

тов, запечатлевших “запретные” события как итальянской, так и нашей общей истории. Так, О.А. Гуревич пишет о “Белом Соппротивлении” 1943–1945 гг., а М. Карлетти Делль’Аста – об архиве диссидентского движения 60–90-х годов XX в. в Италии.

Практически все статьи сборника (и это несомненная удача авторского коллектива) содержат те информационно-справочные сведения об итальянских материалах в архивах России

и Италии, которые могут послужить ориентиром для других исследователей. Последним, хочется верить, будет дано вкусить, по меткому выражению М.А. Юсима, одного из авторов сборника, скромное обаяние архивов.

В.К. Коломиец,
кандидат исторических наук,
ведущий научный сотрудник
Института социологии РАН

IDEOLOGY AND FOREIGN POLICY IN EARLY MODERN EUROPE (1650–1750). Aldershot: Ashgate, 2011, 320 p.
ИДЕОЛОГИЯ И ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА В ЕВРОПЕ РАННЕГО НОВОГО ВРЕМЕНИ (1650–1750). Олдершот, 2011, 320 с.

Современная историография проявляет все больший интерес к роли идеологии в историческом процессе. Пример тому – рецензируемая коллективная монография под редакцией Д. Оннекинга и Г. Роммельсе, посвященная месту идеологии во внешней политике в Европе раннего Нового времени. Ее содержание отличается и традиционностью, и новизной. В книге два введения с различным подходом к исследуемой проблематике.

В первом, написанном профессором университета Утрехта Д. Оннекингом и сотрудником Нидерландского института военной истории в Гааге Г. Роммельсе, подчеркивается, что столетие (1650–1750 гг.) между религиозными войнами и конфессионализацией, с одной стороны, и войнами периода Французской революции – с другой, в европейской политике отнюдь не являлось деидеологизированным. Еще недавно, пишут авторы первого введения, историки раннего Нового времени, в том числе и поколение ревизионистов, уделяли мало внимания теории международных отношений, хотя на практике испытывали сильное влияние концепции “политического реализма”, основанной на “властной и рациональной” природе международных отношений и занимающей довольно прочные позиции в современной историографии. Сегодня новая дипломатическая история все чаще сосредоточивается на социальных и интеллектуальных конструкциях, “культуре” дипломатии.

В “Ответе на введение” профессор Роттердамского университета Р. фон Фридебург указывает на то, что изучение идеологии во внешней политике важно для понимания трансформации европейского общества уже с конца XV в., а не только с рождения Вестфальской системы в 1648 г., как считают Оннекинг и Роммельсе. Между реальной дипломатической историей и

идеологией, полагает он, всегда существовала тесная связь.

В сборник вошли статьи как маститых ученых, так и соискателей докторской степени или даже студентов, представителей разных западноевропейских научных центров.

Анализируя попытку английских вигов взять в свои руки инициативу во внешней политике, С. Пинкус подчеркивает, что в 1690-х годах виги рассматривали французскую угрозу и в идеологическом, и в геополитическом контексте. Они выступали за континентальную стратегию войны против ярого врага англичан и их свобод – Людовика XIV, а для торги, пропагандистов стратегии “голубой войны”, борьба на континенте представляла периферийный интерес (с. 32–38).

В статье Г. Эванса исследуются интерпретации политики Карла II Стюарта и Вильгельма III Оранского в торийских и вигских сочинениях начала XVIII в. На основе работ Дж. Свифта, Г. Болингброка, Ч. Девенанта и других авторов он делает вывод, что узкопартийная политика отражалась и на исторических сочинениях.

Д. Ахн остановился на использовании античной модели для понимания внешней политики Британской империи. Размышления об Афинах у Г. Болингброка, Д. Юма, А. Смита, как полагает историк, – это поиски золотой середины между властью и свободой, внешней политикой Ганноверской династии и изоляционизмом (с. 127).

Новый подход к Голландской войне 1672 г. обозначил Д. Оннекинг. В отличие от традиционного представления о Нидерландах как о жертве англо-французской агрессии он проводит идеологическую и политическую взаимосвязь между “Оранской революцией” и европейской войной, считая, что реставрация представителя Оранской династии на должности статхаудера Республики Соединенных

Провинций была частью политической стратегии и Людовика XIV, и Карла II (с. 133).

На основе дебатов в парламенте времен реставрации Стюартов С. Жетто показала, как король, парламент и знать пытались совместить свой личный интерес с большим национальным интересом, что обуславливало неспособность двора и страны согласовать общую идеологию.

Б. Вагнер-Ранделл проанализировал внешнеполитические позиции польского нобилитета. Провозглашая в речах готовность умереть за “веру и свободу”, идеологи шляхты на деле стремились избежать войны любой ценой, чтобы не тратиться на военные нужды и предотвратить появление сильного правительства, способного ограничить их привилегии. Споры о внешней политике Польско-Литовской республики в конце XVII – начале XVIII в. были тесно связаны с дебатами о суверенитете шляхты и с абсолютистскими притязаниями польских королей (с. 171–179).

Роль пропаганды в идеологическом оправдании Девятилетней войны 1688–1697 гг. на примере сравнительного анализа ее легитимации английскими и французскими священниками показала С. Раме. Во Франции, отмечает она, поддержка церковью суверена была сильнее и политика короля не подвергалась критике (с. 186–194).

Идеи голландского художника и пропагандиста Р. де Хооге исследовал Х. ван Ниероп. На примере Хооге он показал, что голландский республиканизм времен Вильгельма III был скорее антиаристократическим, нежели антиоранжистским, а поддержка статхаудера и короля были продиктованы французской угрозой.

А. Креспо Солана представила идеологическую модель имперской политики Испании, в основе которой было стремление сохранить колониальную империю, не утратить тот об-

раз, который сложился об Испании в Европе (с. 219–220).

Г. Роммелсе соединил традиционную меркантилистскую интерпретацию англо-голландских войн, названную им “системой экономического национализма”, с их идеологической составляющей. Если в Англии концепция национального интереса цементировала политическую кооперацию между экономическими интересами разных слоев, то в Республике Соединенных Провинций экономический интерес был главным компонентом идеологии на любом уровне (с. 255, 264–265).

В статье Э. Томсона отражена идеологическая мотивация британской политики баланса сил во время и после Войны за испанское наследство. Историк пишет, что виги и тори использовали риторику баланса сил для поддержания собственных позиций, а динамика европейской политики им в этом помогала (с. 281).

Проследив развитие политических идей архитектора концепции баланса сил Вильгельма III, В. Троост пишет, что Вильгельм никогда не использовал данный термин, а его идеи “свободы Европы” и “спокойствия в Христианстве” можно трактовать и в общеевропейском контексте, и в свете специфических интересов Нидерландов.

В целом авторский коллектив успешно справился с задачей показать тесную связь между идеологией и внешней политикой в Европе в 1650–1750 гг. Авторы подводят читателя к выводу, что в переходную эпоху раннего Нового времени можно выделить множество “идеологий”, заложенных в программах различных партий и отражавших интересы разных слоев общества.

Л.И. Ивоина,

доктор исторических наук, профессор
Смоленского государственного университета